СОЦИУМ И ВЛАСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРАХОВ

УДК 316

П. А. АМБАРОВА

Темы власти, социума и страха неразрывны. Верность этого утверждения отражается в расхожем мнении о том, что власти нужно бояться. Поведение граждан и их реакции на действия властей определяются не только интересами, ценностными ориентациями, политическими и правовыми нормами, равно как и действия представителей властных структур зависят не только от типа политического режима, здравого смысла, целей государственной политики и личных интересов. В отношениях между властью, различными социальными группами и обществом в целом значительную роль играют социальные эмоции — уверенность в завтрашнем дне, страх, доверие, любовь, неприязнь и др. Политические отношения (не только в России, но и во всем мире) эмоционально окрашены, при этом палитра чувств и степень их выраженности чрезвычайно разнообразны. И страх играет в этих отношениях не последнюю роль.

А. М. Кантор полагает, что страх перед властью, характерный для россиян, происходит от экзистенциального страха потери матери, образ которой в российской культуре сливается с образом власти. Отлучение от матери, потеря ее или наказание, исходящее от нее (матери и власти), воспринимаются в неразрывной связи и чрезвычайно остро [4] . Нам же представляется, что, во-первых, страх характерен для властных и политических отношений во всем мире, а не только для России. Во-вторых, для современных россиян источником общественных страхов, и не только страха перед властью, служит отчужденность от многих жизненно важных объектов.

По мнению М. К. Горшкова, источником страхов, характерных для российского общества, является отчужденность от собственной жизни [8, с. 37]. Она заключается в невозможности управлять собой и уверенности в том, что жизнь управляема внешними силами и обстоятельствами, среди которых власть занимает не последнее место. Одновременно наблюдаются отчужденность и от самой власти, глубокий разрыв между обществом и властью, восприятие ее представителей как «чужих». О низком уровне доверия к институтам власти, чиновникам свидетельствуют данные социологических опросов, проведенных Левада-Центром [2], Центром стратегических разработок [9], международной организацией Trust Barometer [13].

В структуре социальной регуляции эмоции вплетены в ценностно-нормативную подсистему и усиливают ее действие. Интуитивно или целенаправленно, но этот механизм воздействия на поведение людей используется субъектами политических отношений как особый инструмент политической борьбы и власти. В некоторых случаях он может выступать в качестве «палки о двух концах», действующей не только в интересах власти, но и определенной социальной группы, противопоставляющей себя как официальной власти, так и другим политическим оппонентам.

Несмотря на актуальность обозначенной проблемы в отечественной социологии, этому аспекту социальной регуляции не уделяется большого внимания, в отличие от американской социологии, в которой социология эмоций выделилась в отдельную специфическую отрасль знания [12]. В отечественной социологии социология эмоций не институционализирована, хотя в последние десятилетия появились чрезвычайно интересные исследования социальных эмоций [1, 8, 11]. Актуальность их изучения заключается в том, что они позволяют по-новому взглянуть на самый широкий спектр социальных проблем.

Общественные страхи, выступающие разновидностью эмоций, в широком смысле можно определить как способ адаптации к социальной ситуации или социальной среде, обладающей для индивида или группы той или иной степенью неопределенности. Проявляются общественные страхи в многообразных состояниях — тревожности, тревогах, фобиях, паниках, слухах, опасениях. В обыденном сознании любые проявления «тревожного ряда» воспринимаются как негативные, деструктивные, вызывающие неблагоприятные последствия для индивида и общества — социальную апатию, деморализацию и т. п. Поэтому естественным является стремление выйти из состояния страха или, по крайней мере, минимизировать его дисфункциональность. Именно это стремление избавиться от страха используется для управления и манипулирования сознанием и поведением населения. При этом актуализируются самые различные

виды общественных страхов – экологические, природные, технологические, экономические, политические, социально-психологические, иррациональные и другие.

Среди многочисленных социальных функций общественных страхов, на наш взгляд, особое значение имеет регулятивная. Она проявляется в нескольких аспектах:

1. Профилактика и купирование нежелательного и стимулирование желательного социального поведения. Страх может сдерживать те социальные движения, действия или феномены сознания, которые неудобны или опасны для власти и, напротив, формировать и направлять их в тех направлениях, которые соответствуют интересам власти. Яркими примерами политики запугивания служат действия властей во время трагедии в Крымске и в отношении панк-группы Pussy Riot. В первом случае власть, боясь реакции общественности на последствия халатного, безответственного и даже преступного поведения своих представителей, скрывала достоверную информацию о причинах и масштабах трагедии, а население и медперсонал, запуганные откровенными угрозами, боялись что-либо рассказывать журналистам и волонтерам, мотивируя свой отказ страхом репрессий по отношению к ним [7].

Во втором случае применялись показательные меры наказания и возможности прощения через публичное покаяние. Социолог Левада-Центра Н. Зоркая, комментируя результаты опроса, касающегося отношения населения к «панк-молебну», отмечает, что агрессия со стороны властей и лояльных по отношению к власти и РПЦ социальных групп свидетельствует об обществе, живущем в ситуации никуда не исчезающего в постсоветские времена насилия – государственного, ведомственного. Такое общество не способно принимать на себя ответственность за то, что происходит, а все недовольство выплескивает на других [10].

2. Мобилизация населения посредством концентрации интеллектуальных, психологических, культурных и прочих ресурсов и направлении их для решения актуальных проблем власти. Формы политической мобилизации населения могут быть самыми различными – агитационные призывы и предвыборные ролики с участием известных людей, нормативно-правовая поддержка лояльных общественных и религиозных организаций*, организация общественных и научных форумов, предназначенных для обсуждения актуальных социально-политических проблем не только общества, но прежде всего – самой власти (доверия, лояльности населения по отношению к ней, основ идеологии и пр.). Примерами служат инициативы власти, связанные с созданием социальных сетей, различных культурных проектов, площадок для обсуждения общественных инициатив. Достаточно вспомнить известную встречу В. В. Путина с представителями общественности (организаторами литературно-музыкального вечера «Маленький Принц») в мае 2010 г.

3. Консолидация населения. Страх может стать основой внутри- и межгрупповой солидарности. Поиски врага – опасного, представляющего угрозу всем членам группы или общества в целом – один из наиболее часто применяемых инструментов сплочения общества, оправдания неудач, связанных с неэффективностью управления, а также переноса негативных эмоций и социальной напряженности с власти на другие социальные объекты.

Еще одно проявление регулятивной функции общественных страхов наблюдается в феномене межпоколенческой солидарности дискриминируемых этнических диаспор и меньшинств, например, среди евреев или депортируемых немцев. Социальные психологи и социологи считают, что социальные группы, пережившие травму, передают страх перед травмирующими историческими обстоятельствами через коллективную память. Наследование новыми поколениями знания о травме и страх перед ее повторением обеспечивает межпоколенческую сплоченность социальной группы.

4. Формирование имиджа власти можно рассматривать не как основное, но сопутствующее вышеперечисленным проявлениям рассматриваемой функции. Расхожее мнение, состоящее в том, что сильная власть – та, которую боятся, как раз отражает этот функциональный аспект использования страха как способа формирования имиджа власти. Исследователи отмечают, что лексика, используемая представителями власти, как нельзя лучше выполняет имиджевые функции по конструированию страха перед властью [1, 4]. Речь наполняется агрессивной тюремно-лагерной и «психиатрической» лексикой («двушка», «мочить в сортирах», «безумное общество», «шизанутые» и др.). Ту же смысловую нагрузку несут и фотографии высшего руководства страны, иллюстрирующие маскулинность и силу, например, фотографии президента страны в черных

* Речь идет, прежде всего, о законе об НКО, получающих поддержку от зарубежных фондов и организаций, а также ресурсах влияния на население Русской Православной Церкви.

очках, военной форме, занимающегося единоборством и др.

Все возможности использования общественных страхов направлены на завоевание, укрепление и удержание власти. В сочинениях Н. Маккиавелли подробно описывается, как можно пользоваться страхом в качестве инструмента власти. Технологии использования общественных страхов могут строиться с использованием уже бытующих в массовом сознании страхов или с помощью их конструирования. По мнению М.К. Горшкова, «чувство боязни, опасения – вполне естественное человеческое чувство, закономерный спутник современной повседневности» [8, с. 7]. Поэтому он полагает, что главный вопрос состоит не в том, как относиться к тем или иным массовым опасениям и страхам (они были и будут), а в том, почему в условиях данной конкретно исторической ситуации возникают и распространяются именно подобные фобии и угрозы. В этом случае действия власти состоят в выявлении, усилении и оформлении в рамках социальных практик эмоциональных реакций населения.

Властью формируются также мнимые, иллюзорные или «невротические» страхи, губительные для их носителей [5, с. 214]. Воображаемые страхи – такая же реальная социальная сила, как и страхи-реакции на действительно существующие угрозы. Может быть, еще более сильная, поскольку они латентны, легко меняются. Воображаемые страхи, прежде всего, становятся инструментом манипулирования общественным сознанием. С трудом поддаются фиксированию и описанию последствия мнимых угроз. Они не очевидны и определяются социальными стереотипами, предрассудками. Оценки самих угроз и их последствий субъективны.

Алармистские настроения легко конструируются с помощью официальных выступлений и средств массовой информации. Например, страх терроризма, безусловно, имеет реальную основу, однако представления о его реальных масштабах и последствиях, риске и времени реального наступления не представляются очевидными. Однако страх терроризма – весьма удобный повод для манипуляций властей. Он был использован Д. Бушем в США после теракта 11 сентября 2001 г. для увеличения собственной власти и политического влияния США в мире, когда США позволили себе нарушить нормы международного права и совершать военные действия против любой страны без согласия ОНН [5, с. 237]. В России угроза терроризма становится основанием для сворачивания демократических свобод и ограничения прав личности.

В контексте исследуемой темы важно отметить, что в основе самого терроризма лежит механизм запугивания. Это та самая «палка о двух концах», которую использует слабый в борьбе с сильным противником. Целью террористических акций является не только реальное уничтожение людей или стратегически важных объектов (в последнем случае агрессия была бы направлена только на материальные объекты). Другая цель – формирование тотального страха перед терроризмом, поскольку никто не может знать, с кем и когда он может себя проявить.

Власть не только использует страх перед различными стихиями или обстоятельствами, но и мощно конструирует его перед ней самой. По мнению исследователей, страх власти базируется на непредсказуемости ее решений и действий, возможности неожиданно наказывать и невозможности ей противостоять.

В формировании и реализации политики запугивания особая роль принадлежит страху перед временем. Например, страх перед смертью лежит в основе регулирования поведения людей как в светском, так и религиозном обществах. Апокалиптическое сознание и эсхатологические установки христианства дали возможность сформировать идеологию управления обществом, основанную на страхе смерти не только физической, но и духовной, при этом возможной дважды – в индивидуальной истории человека и истории всего человечества. (Еще Л. Фейербах указывал на то, что в основе возникновения и развития любой религии лежит страх). Страх смерти в виде лишения жизни используется как средство социального контроля и регулирования межгрупповой конкуренции практически во всех обществах, начиная с самых ранних этапов их становления.

Страх перед временем издавна используется не только для поддержания социального порядка, но и сохранения власти [3]. Можно проследить эволюцию использования страха перед временем в качестве регулятора социальной жизни – от применения агрессивных форм (смертные казни, убийства) в традиционном обществе до манипулятивных технологий в современном обществе в виде переписывания истории и составления «правильного» прогноза социально-экономического и социокультурного развития.

Российские социологи полагают, что «подсистема страха» необходима всякой системе административно-директивного хозяйствования и особенно авторитарной политической [11]. Различные социальные институты – государство, экономика, образование, армия

или медицина – реализуют политику, одним из основных инструментов воздействия которой является целенаправленное, систематическое формирование и поддержание нужного уровня страха.

Общественно-политическая жизнь в современной России предоставляет богатый материал для исследования возникновения и содержания поведенческих стратегий различных социальных групп в ответ на политику страха. Социологические исследования отчетливо фиксируют раскол по линии активного сопротивления и пассивного принятия этой политики.

Исследование, проведенное М. К. Горшковым в 2008 г., свидетельствовало о постепенном, но неуклонном нарастании социальной пассивности. Сокращалось число россиян, готовых активно отстаивать свои интересы. Число тех, кто был готов в форс-мажорных обстоятельствах «идти на баррикады», в том числе отстаивать свои интересы с оружием в руках, уменьшилось с 9% в 1999 г. до 2% в 2009 г. Исследователи отмечали также заметный рост «пофигистских» настроений, нежелание что-либо предпринимать, как-то адаптироваться к новой реальности. С 3 до 18% выросло число тех, кто прямо говорил, что ничего делать не будет, даже если настанут трудные времена, а еще около четверти предпочитали об этом вообще не думать. Соответственно наблюдался «эффект улитки» (или «эффект мудрого пескаря»), проявляющийся в замыкании людей в своей частной жизни, семье, личных делах и поиске ниш, где можно как-то переждать, пережить трудные времена [8]. Не менее важным для формирования стратегии пассивного реагирования являлся также фактор ментальности, а именно – эмоциональная сдержанность россиян.

Вместе с тем за последние два года у ряда социальных групп общества усилилась стратегия активного реагирования на политику страха, проявившаяся в росте протестных настроений и выступлений. Помимо известных масштабных митингов на Болотной площади, проспекте Сахарова, Марша миллионов, наблюдается рост менее масштабных выступлений, география который охватила все крупные города России. Рост протестного движения в значительной степени обусловлен гражданской позицией многих его участников, их стремлением к созданию гражданского общества в России.

Однако стратегия активного реагирования на политику страха имеет под собой и иную, эмоциональную основу. В этом находят свое подтверждение социально-психологические законы преодоления страха со стороны испытывающих его людей, что выражается в возрастании их активности, и не в последнюю очередь – агрессии и расширении социальной базы протестного движения. Социологические исследования с очевидностью показывают рост числа россиян, поддерживающих социально-политический протест на вербальном уровне, и увеличение числа тех, кто реально участвует в нем [6].

1. Головаха Е. И. Социальное безумие: история, теория и современность [Текст] / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. Киев, 1994.
2. Доверие институтам власти. [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/02–11–2012/doverie-institutam-vlasti (дата обращения: 02.11.2012)/
3. Ильясов Ф. Н. Социология смерти/Ф. Н. Ильясов // Социологические исследования. 2010. № 9.
4. Кантор А. М. Власть и страх в политической культуре России/А. М. Кантор//Психологическая газета: Мир и мы. 2005. № 5 (105). [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazetamim.ru/mirror/psy/amp; polit/Kantor1.htm (дата обращения: 04.11.2012).
5. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. М., 2009.
6. «Левада-центр»: все больше россиян одобряет протестные акции под лозунгом «За честные выборы». [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/08–10–2012/levada-tsentr-vse-bolshe-ross (дата обращения: 04.11.2012).
7. Миронов И. Крымск: власть страха и страх власти. [Электронный ресурс] // URL: http://www.mk.ru/social/article/2012/07/24/728757-kryimsk-vl... (дата обращения: 04.11.2012).
8. Россия на новом переломе: страхи и тревоги [Текст] / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М., 2009.
9. Россияне устали от пиара Путина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://uhhun.ru (дата обращения: 02.11.2012)
10. Социолог: Наказания Pussy Riot требуют те, кто поддерживает Путина. [Электронный ресурс] // URL: http://www.dw.de/dw/article/0,,16150314,00.html (дата обращения: 05.11.2012).
11. Шляпентох В. Э. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) [Текст] / В. Э. Шляпентох, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов. М., 1999.
12. Barbalet J. M. Emotional Payoff of Ritual [Text] / J. M. Barbalet//European Journal of Sociology. 2006. Vol. 47 (3). P. 446–451; Barbalet J. M. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach [Text]/J. M. Barbalet. Cambridge, 1999.
13. Trust Barometer 2012: Резкий спад общественного доверия к государственной власти по всему миру. [Электронный ресурс]. URL: www.dw.de/dw/artical/0,,16150314,,00.html (дата обращения: 04.11.2012).